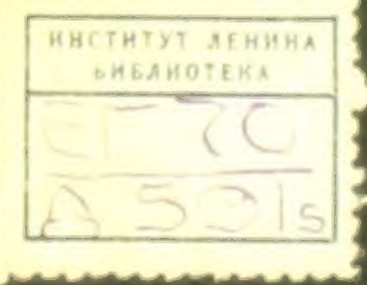
Плеханов

ДНЕВНИК СОЦ-ДЕМ.

Г. В. Плехановъ.

ДНЕВНИКЪ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТА

ВЫХОДИТЪ НЕПЕРІОДИЧЕСКИ.

СОДЕРЖАНІЕ: 1) ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ; 2) ЕСЛИ ХОЧЕШЬ ДОБРАГО МИРА, ВЕДИ ХОРОШУЮ ВОЙНУ (КЪ ВЫСТУПЛЕНІЮ Н. С. ЧХЕИДЗЕ); 3) ВЕСЬМА ПРОСТОЙ РАЗСЧЕТЪ.

ПЕТРОГРАДЪ. 1916 г. № 1.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО бывш. М. В. ПОПОВА.
Петроградъ, Невскій пр., 66.

Г. В. Плехановъ.

ДНЕВНИКЪ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТА

ВЫХОДИТЪ НЕПЕРІОДИЧЕСКИ.

Петроградъ. 1916 г. № 1.

СОДЕРЖАНІЕ: 1) ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ; 2) ЕСЛИ ХОЧЕШЬ ДОБРАГО МИРА, ВЕДИ ХОРОШУЮ ВОЙНУ (КЪ ВЫСТУПЛЕНІЮ Н. С. ЧХЕИДЗЕ); 3) ВЕСЬМА ПРОСТОЙ РАЗСЧЕТЪ.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО бывш. М. В. ПОПОВА.
Петроградъ, Невскій пр., 66.

КНИГОПЕЧАТНЯ
ШМИДТЪ

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Безполезно объяснять, почему я возобновляю свой „Дневникъ“: время такое, что молчать невозможно. Одно могутъ поставить мнѣ на видъ не безъ основанія. Мнѣ скажутъ, пожалуй: „если бы ваши взгляды и могли имѣть значеніе для нѣкоторой части русской читающей публики, то лишь при условіи своевременнаго ихъ высказыванія. Между тѣмъ, Вы живете такъ далеко отъ мѣста изданія вашего „Дневника“, что условіе это совсѣмъ не можетъ быть соблюдено“.—Я признаю серьезность этого замѣчанія и даже готовъ подтвердить его указаніемъ на мою статью о рѣчи Н. С. Чхеидзе. Не мало времени прошло прежде, чѣмъ я получилъ матерьяльную возможность прочитать эту рѣчь. Теперь пройдетъ не мало времени прежде, нежели дойдутъ до читателя мои возраженія на нее. Когда онъ возьметъ въ руки мой „Дневникъ“, то ему, пожалуй, будетъ совсѣмъ не до рѣчи Н. С. Чхеидзе. Я былъ бы очень наивенъ, если бы не понималъ, какъ велика для меня отрицательная важность этого „независящаго обстоятельства“. Однако, есть другое обстоятельство,—къ сожалѣнію, тоже отрицательное и тоже отъ меня независящее,—которое побуждаетъ меня писать мои бѣглыя замѣтки, несмотря на то, что имъ суждено являться въ значительной степени запоздалыми.

Было бы очень хорошо, если бы къ тому вре-

мени, когда появится этотъ № моего „Дневника“, вопросы, затронутые въ рѣчи Н. С. Чхеидзе, оказались уже рѣшенными жизнью. Къ сожалѣнію, я не могу надѣяться на это. Н. С. Чхеидзе говорилъ о мирѣ и объ его желательныхъ условіяхъ. Можно-ли думать, что, скажемъ, черезъ мѣсяцъ или черезъ пять-шесть недѣль война будетъ окончена? Нѣтъ: какъ бы ни кончилась нынѣшняя война, совершенно очевидно, что къ этому времени она окончиться не можетъ. А если она не можетъ окончиться къ этому времени, то не перестанетъ быть жгучимъ очереднымъ вопросомъ и вопросъ о томъ, какъ должны относиться къ ней передовые русскіе люди. Значитъ, не совсѣмъ уже запоздалыми явятся мои возраженія на то, что представляется мнѣ крайне ошибочнымъ во мнѣніяхъ Н. С. Чхеидзе.

Я напередъ знаю, что возраженія эти не понравятся кое-кому изъ людей, à tort ou à raison считающихъ себя принадлежащими къ крайнему лѣвому лагерю. Возможно даже, что за нихъ какой нибудь „неграматикальный“ анонимъ опять выругаетъ меня.... при ближайшемъ или просто близкомъ участіи Максима Горькаго. Если эта вторая возможность перейдетъ въ дѣйствительность, то мнѣ будетъ больно.... за Горькаго, художественный талантъ котораго я очень уважаю. Но дѣлать нечего! Назвался груздемъ, полѣзай въ кузовъ. Покойный глава женевскаго радикализма Жоржъ Фавонъ сказалъ мнѣ однажды: „кто занимается политикой, тотъ всегда долженъ быть готовъ получать удары“. Немного помолчавъ, онъ прибавилъ: „и, разумѣется, давать сдачи“. Думаю, что это вѣрно. Не со вчерашняго дня занимаясь

политикой, я тоже всегда готовъ былъ получать удары и отвѣчать на нихъ, если, однако, для этого не надо было нагибаться слишкомъ низко....

Есть еще одно соображеніе, побуждающее меня говорить, несмотря на то, что мои соотечественники не скоро услышатъ мой голосъ.

Чтобы отклонить отъ себя неисчислимыя бѣдствія, которыми грозитъ ему побѣда германскихъ имперіалистовъ, русскому рабочему народу непремѣнно нужно будетъ сдѣлать огромное усиліе. Подъ вліяніемъ этого усилія, его мысль станетъ работать энергичнѣе, нежели прежде. И всѣ мы, крайніе лѣвые, согласны между собою въ томъ, что на насъ лежитъ святая обязанность, насколько возможно, облегчить эту работу. Но когда возникаетъ вопросъ: какъ же это сдѣлать?—между нами немедленно возникаютъ разногласія. Люди, всецѣло преданные интересамъ народа, выступаютъ иногда съ такими разсужденіями и предложеніями, которыя не проясняютъ сознаніе народа, а, наоборотъ, затемняютъ его. Этимъ они оказываютъ услугу не прогрессу, а реакціи. Тяжело признать, а грѣхъ утаить: въ прежніе годы,—не весьма далекіе,—у насъ было совершено много такихъ ошибокъ. И было бы до крайности печально, еслибы онѣ повторились. Я сдѣлаю все, возможное для меня, чтобы помѣшать ихъ повторенію. Правда, я могу сдѣлать только одно: стараться разубѣдить тѣхъ, которые поддерживаютъ старыя заблужденія. Это немного. Но это нужно. И мои усилія принесутъ, пожалуй, свою пользу, несмотря на то,—неудобное для меня,—обстоятельство, что голосъ мой не скоро будетъ доходить до моей родины.

Самая главная изъ ошибокъ, повторенія кото-

рыхъ намъ нужно избѣжать, заключается вотъ въ чемъ: нѣкоторые мои товарищи по крайнему лѣвому лагерю, ведя борьбу съ реакціей, считаютъ верхомъ тактической мудрости жестоко обрушиваться на тѣ общественные элементы, которые тоже борются съ нею, но не такъ рѣшительно, какъ они. Они думаютъ, что эта ихъ тактика придастъ оппозиціи новую энергію. Но это не основательно. Ни откуда не слѣдуетъ, что, нападая на просто-лѣвыхъ, крайніе-лѣвые всегда будутъ ослаблять позиціи реакціи. Временами въ самомъ дѣлѣ бываетъ такъ. Но временами случается совсѣмъ обратное: своими нападками на просто-лѣвыхъ крайніе-лѣвые разъединяютъ антиреакціонныя силы и тѣмъ ослабляютъ ихъ. Именно это произошло у насъ въ не очень давніе годы. И именно этого надо во что бы то ни стало избѣжать теперь.

„Тайна истинной поэзіи,—превосходно сказалъ Шеллингъ,—состоитъ въ томъ, чтобы быть восторженнымъ и трезвымъ не въ различныя мгновенія, а въ одинъ и тотъ же моментъ. Этимъ свойствомъ отличается аполлоновское вдохновеніе отъ діонисовскаго“. Въ томъ же заключается и вся тайна политической тактики. Въ ней тоже долженъ господствовать Аполлонъ, а не Діонисъ, богъ разума, а не богъ вина. Въ политикѣ нужны не вакханаліи, а осмысленныя, цѣлесообразныя дѣйствія. Съ восторгомъ посвящая всѣ свои силы дорогому дѣлу, слѣдуетъ, какъ чумы, избѣгать опьяненія псевдорадикальными фразами. Но кто остается трезвымъ, тому легко понять, что чѣмъ больше будутъ изолированы силы реакціи, тѣмъ меньше будетъ у нихъ

шансовъ устоять въ борьбѣ съ силами прогресса.

Вотъ о чемъ собираюсь я бесѣдовать со своими читателями. Мнѣ было бы очень пріятно, если бы въ бесѣдахъ на такую тему не оказалось надобности. Но, къ сожалѣнію, надобность окажется. Поэтому я и говорю себѣ: лучше поздно, чѣмъ никогда.

Г. Плехановъ.

ЕСЛИ ХОЧЕШЬ ДОБРАГО МИРА, ВЕДИ ХОРОШУЮ ВОЙНУ.

(Къ выступленію Н. С. Чхеидзе).

Есть рѣчи—значенье
Темно иль ничтожно,
Но имъ безъ волненья
Внимать невозможно.

Въ передовой статьѣ № 25 „Призыва" Г. А. Алексинскій отмѣтилъ, что рѣчь Н. С. Чхеидзе, произнесенная въ думскомъ засѣданіи 10-го февраля, не имѣла руководящей мысли, а тѣ отдѣльные взгляды, которые высказаны въ ней, частью правильны, частью ложны, но во всякомъ случаѣ совсѣмъ не согласованы между собою. И это неоспоримо. Употребляя выраженіе покойнаго Н. К. Михайловскаго, я сказалъ бы, что взгляды, заключающіеся въ рѣчи Н. С. Чхеидзе, играютъ между собою въ чехарду. Такой рѣчи никто не назоветъ удачной. Однако, эта неудачная, крайне плохо продуманная, рѣчь заслуживаетъ большого, хотя и нерадостнаго, вниманія всей русской демократіи вообще, а въ особенности тѣхъ нашихъ соціаль-демократовъ, которые не подчинились псевдо-революціонной фразеологіи анархо-синдикализма *). Скажу больше; чѣмъ неудачнѣе была рѣчь Н. С. Чхеидзе, тѣмъ внимательнѣе должны мы отнестись къ ней: вѣдь ее считаютъ рѣчью лидера. Вотъ почему я нахожу нужнымъ еще разъ поговорить о ней.

Кромѣ всего отмѣченнаго Г. А. Алексинскимъ, поразительно еще то, что т. Н. С. Чхеидзе, со-

*) Объ этихъ послѣднихъ см. мою статью «Интернаціоналисты, да только съ другой стороны» въ «Призывѣ».

ставляя свою рѣчь, какъ будто совершенно покинулъ обязательную для соціаль-демократа точку зрѣнія научнаго соціализма и усвоилъ себѣ пріемы мысли, свойственные соціализму утопическому. Это странно и даже невѣроятно, но это,—увы!—именно такъ.

Въ чемъ заключается главная черта, отличающая мышленіе сторонника научнаго соціализма отъ мышленія утопическаго? Сторонникъ научнаго соціализма не довольствуется своимъ убѣжденіемъ въ томъ, что его идеалъ выше, благороднѣе, свѣтлѣе всякаго другого. Онъ старается выяснить себѣ, какова генетическая связь этого идеала съ ходомъ развитія дѣйствительности, и гдѣ находятся общественныя силы, необходимыя и достаточныя для его осуществленія. Идеалъ, торжество котораго не можетъ быть пріурочено къ ходу общественнаго развитія и который, вслѣдствіе этого, представляетъ собою не болѣе, какъ благое пожеланіе группы хорошихъ людей, не имѣетъ въ глазахъ сторонника научнаго соціализма ни малѣйшей цѣны. Для него это—одна „словесность".

Но вотъ именно такую то утопическую „словесность" представляетъ собою миръ, о которомъ говорилъ Н. С. Чхеидзе передъ Государственной Думой въ засѣданіи 10-го февраля. „Миръ безъ аннексій и всякихъ контрибуцій... Никакихъ аннексій, ни открытыхъ, ни закрытыхъ. Никакихъ насильственныхъ экономическихъ присоединеній, которыя неизбѣжно связаны съ политическимъ безправіемъ и носятъ еще болѣе невыносимый характеръ. Самоопредѣленіе національности должно быть непоколебимо основано на новыхъ національныхъ отношеніяхъ".

Допустимъ, что это прекрасно—хотя какъ сейчасъ увидимъ ниже, это скорѣе дурно, чѣмъ хорошо,—и спросимъ себя: откуда же возьмется миръ, свойства котораго перечислилъ Н. С. Чхеидзе? Съ неба упадетъ онъ, что-ли? На этотъ естественный и прямо неизбѣжный вопросъ нашъ „лидеръ“ успокоительно отвѣтилъ: „мы возьмемъ дѣло въ свои руки“ и обѣщалъ „поговорить съ нѣмцами“. Читаешь и не вѣришь своимъ глазамъ: неужели же это все?

„Съ нѣмцами мы поговоримъ!“ Весьма благодарны за трудъ, который вы себѣ дадите; но намъ хотѣлось бы хоть приблизительно узнать, долго ли могутъ протянуться ваши переговоры? И какъ намъ слѣдуетъ вести себя въ ожиданіи ихъ благополучнаго исхода? Сложить руки на груди, покорно вынося удары, наносимые намъ безпощаднымъ завоевателемъ?

Если—да, то нужно было имѣть смѣлость прямо сказать это съ высоты думской трибуны. Нужно было открыто провозгласить старый лозунгъ анархиста Домелы Ньевенгайса, рѣшительно отвергнутый цюрихскимъ международнымъ соціалистическимъ съѣздомъ 1893 года. Тогда весь сознательный пролетаріатъ Россіи увидѣлъ бы, какъ ему слѣдуетъ понимать „международный соціализмъ“ Н. С. Чхеидзе. Тогда все стало бы ясно для всѣхъ...

Если же соціаль-демократъ Н. С. Чхеидзе не сочувствуетъ лозунгу анархиста Домелы Ньевенгайса; если онъ думаетъ, что въ ожиданіи благополучнаго исхода его разговора съ нѣмцами угнетаемое и раззоряемое этими послѣдними населеніе Бельгіи, Франціи, Сербіи, Черногоріи, Польши, Литвы и западной Руси

можетъ и должно съ оружіемъ въ рукахъ отстаивать свое право на жизнь, то и это надо было высказать внятно и открыто, такъ, чтобы ни у кого не оставалось никакихъ недоразумѣній на этотъ счетъ.

Н. С. Чхеидзе не высказался ни въ томъ, ни въ другомъ смыслѣ. Онъ показалъ себя колеблющимся и нерѣшительнымъ. Это очень, очень жаль!

Дальше. Съ какими это нѣмцами „поговоритъ" Н. С. Чхеидзе? Съ тѣми, которые провозглашали и, своими поступками, продолжаютъ провозглашать: „населенію побѣжденныхъ странъ слѣдуетъ оставлять только глаза, чтобы оно могло оплакать свои бѣдствія"? Конечно—нѣтъ! Вѣдь такъ много доброты въ его мечтаніяхъ о добромъ мирѣ! Съ какими же? Съ нѣмецкими рабочими? Но вѣдь и рабочій рабочему рознь. Тотъ рабочій, который поддерживаетъ политику имперіализма, ничѣмъ не лучше другихъ имперіалистовъ—юнкеровъ и воинственныхъ „капитановъ промышленности". Всѣмъ, кромѣ Н. С. Чхеидзе, извѣстно, что нѣмецкіе профессіональные союзы открыто поддерживаютъ названную политику. О чемъ же толковать съ ними?

Можетъ быть, Н. С. Чхеидзе собирается „поговорить" съ Либкнехтомъ? Спора нѣтъ, превосходно было бы, если бы нѣмецкій пролетаріатъ перешелъ на точку зрѣнія Либкнехта. Но если это и случится когда-нибудь, то, навѣрно, очень не скоро, и пока солнце взойдетъ, роса выѣстъ очи всему трудящемуся населенію, всей бѣднотѣ всѣхъ тѣхъ государствъ, которыя страдаютъ теперь отъ нашествія германскихъ полчищъ. Н. С. Чхеидзе не знаетъ, какъ одинокъ Либкнехтъ даже въ средѣ германскаго соціаль-демократическаго меньшинства.

Н. С. Чхеидзе не знаетъ, что даже это меньшинство и слышать не хочетъ о правѣ жителей Эльзаса и Лотарингіи располагать своею судьбою, т. е. отторгнуться отъ Германіи и присоединиться къ Франціи, если они найдутъ это болѣе для себя удобнымъ. Н. С. Чхеидзе не знаетъ, что когда наши нѣмецкіе „товарищи“,—даже и стоящіе въ оппозиціи по отношенію къ откровеннымъ имперіалистамъ въ родѣ Шейдемана, Кунова и другихъ,—когда они провозглашаютъ принципъ: „не надо аннексій“ это значитъ: „мы не хотимъ, чтобы Германія отказалась отъ аннексій, состоявшихся вслѣдствіе прежнихъ войнъ“. Безспорно, всякій имѣетъ право на незнаніе, однако, не надо злоупотреблять этимъ правомъ.

Нѣмецкое социаль-демократическое меньшинство до сихъ поръ далеко не было свободно отъ имперіалистическихъ стремленій. Правда, въ самое послѣднее время оно какъ будто начинаетъ сознавать, что ему нужно, наконецъ, освободиться отъ нихъ. Эта моя статья была на половину написана, когда въ итальянскихъ газетахъ появились, сообщенные по телеграфу, довольно значительные отрывки изъ рѣчи Гаазе, вызвавшей цѣлую бурю въ рейхстагѣ. Газеты прибавляютъ, что въ нѣмецкой соціаль-демократіи произошелъ формальный расколъ.

Если это и вѣрно, то Н. С. Чхеидзе очень ошибется, вообразивъ, будто нѣмецкая с.-д. оппозиція начинаетъ оправдывать его упованія на нее. .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Впрочемъ, будемъ вполнѣ уступчивы и предположимъ, что нѣмецкая с.-д. оппозиція приближается . . . . ко взгляду Н. С. Чхеидзе. Сдѣлавъ это предположеніе, мы, естественно, должны будемъ допустить, что въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ у нашего „лидера" явится возможность по душѣ „поговорить" съ Гаазе и Ледебуромъ. Но значитъ-ли это, что народы, аттакованные Германіей, — первоначально, при одобреніи со стороны того же Ледебура и того же Гаазе, —отнынѣ могутъ считать себя въ безопасности? Достаточно поставить этотъ вопросъ,

чтобы отвѣтить на него отрицательно: нѣтъ, не могутъ! Потому что не Гаазе съ Ледебуромъ и даже не Шейдеманъ съ Куновымъ имѣютъ въ Германіи право объявленія войны и заключенія мира. Оно принадлежитъ императору, который врядъ ли когда-нибудь усвоитъ себѣ миролюбивый взглядъ Н. С. Чхеидзе. Но этотъ послѣдній разсуждаетъ иначе. Онъ, какъ видно, непоколебимо убѣжденъ, что разъ „мы поговоримъ съ нѣмцами", все уладится наилучшимъ образомъ. Такая безпредѣльная вѣра въ чудодѣйственную силу слова не можетъ быть достаточно характеризована даже эпитетомъ: утопическая. Она свойственна только вѣдунамъ, колдунамъ и знахарямъ, существующимъ у всѣхъ народовъ на первыхъ стадіяхъ ихъ культурнаго развитія. Были они и на Руси. Такъ, напримѣръ, когда у человѣка болѣли зубы, знахарь шепталъ надъ нимъ: „мѣсяцъ, ты мѣсяцъ, серебряные рожки, златыя твои ножки! Сойди, мѣсяцъ, сними мою зубную боль, унеси боль подъ облака"! Наивный больной надѣялся, что боль пройдетъ. А для большей вѣрности знахарь прибавлялъ: „будьте мои слова крѣпки и лѣпки, тверже камня, лѣпче клею, крѣпче булата" и т. д. Слыша столь энергичныя заклинанія, уже ни одинъ паціентъ не сомнѣвался въ близости своего выздоровленія. Но вѣдь это дѣла давно минувшихъ дней, преданья старины глубокой. Сознательный пролетаріатъ Россіи очень далеко за собою оставилъ вѣру въ колдуновъ и знахарей. Переросъ онъ и политическую магію Н. С. Чхеидзе. Какъ бы твердо ни былъ убѣжденъ нашъ „лидеръ", что слова, которыя употребитъ онъ въ своемъ будущемъ разговорѣ съ нѣмцами, окажутся

крѣпче булата, тверже камня и лѣпче клею, наши сознательные рабочіе настойчиво поставятъ ему на видъ, что вѣдь это будутъ не болѣе, какъ слова, слова, слова, между тѣмъ какъ всему нашему трудящемуся населенію поистинѣ до смерти нужны обдуманныя, планомѣрныя, энергичныя дѣйствія, направляемыя на защиту страны, которая еще не ушла, — совсѣмъ, совсѣмъ не ушла, — отъ страшной опасности.

„Съ нѣмцами мы поговоримъ“. Если въ томъ, что скажетъ нѣмцамъ Н. С. Чхеидзе, будетъ столь же мало внутренней связи, какъ и въ его рѣчи, то слова его отнюдь не будутъ лѣпки, какъ клей (съ камнемъ и булатомъ ихъ ужъ нечего будетъ и сравнивать)! Рисуя свой идеалъ мира, онъ сказалъ, что не надо никакихъ контрибуцій, и въ тоже самое время, заявилъ, что національное самоопредѣленіе должно быть поставлено на непоколебимую основу. Но кто призналъ за бельгійцами право на самоопредѣленіе, тотъ тѣмъ самымъ объявилъ нѣмцевъ обязанными вознаградить несчастную Бельгію за перенесенныя ею, — безчисленныя и ничѣмъ незаслуженныя — бѣдствія. Кто призналъ названное право за французами, сербами, черногорцами, поляками, литовцами, западно-руссами и т. д., тотъ, — опять же тѣмъ самымъ, — призналъ указанную обязанность за нѣмцами и австрійцами. А если нѣмцы и австрійцы не захотятъ исполнить ее и даже, — что, разумѣется, всего вѣроятнѣе — съ цинической насмѣшкой отвергнутъ всякія разговоры о ней? Очевидно, что тогда ихъ нужно будетъ принудить къ ея признанію и исполненію. А чтобы ихъ принудить, надо воевать. А если надо воевать, то

что же станется съ миромъ „безъ контрибуцій“?

Или, можетъ быть, лучше все таки заключить поскорѣе миръ, подавивъ въ своей душѣ возмущеніе цинизмомъ нѣмецкихъ имперіалистовъ и отказавшись отъ вознагражденія пострадавшимъ народамъ? Если такъ, то зачѣмъ толковать о правѣ народовъ на самоопредѣленіе? Вѣдь вы жертвуете имъ, повинуясь своему миролюбію. А жертвуя имъ, вы оказываете услугу тому самому имперіализму, противъ котораго хотите бороться. Вотъ куда завела Н. С. Чхеидзе его, достойная утописта,—или, точнѣе, знахаря,—вѣра въ чудесную силу словъ. Онъ идетъ въ комнату, а попадаетъ въ другую. Онъ запутывается въ противорѣчіи, котораго нельзя рѣшить иначе, какъ опираясь на твердую почву дѣйствительности, повелительно говорящей намъ:

Если хочешь добраго мира, веди хорошую войну, пока не опустился въ безсиліи бронированный кулакъ германскаго завоевателя.

ВЕСЬМА ПРОСТОЙ РАЗСЧЕТЪ.

Недавно итальянская газета „Corriera della Sera“ воспроизвела слѣдующія соображенія военнаго корреспондента нѣмецкой газеты «Local-Anzeiger».

По его словамъ, русскіе имѣютъ теперь много артиллерійскихъ снарядовъ, но они знаютъ, что имъ хватитъ ихъ не на долго и потому скупо расходуютъ ихъ. Русскія аттаки рѣдко бываютъ достаточно подготовлены артиллеріей. «Этимъ, — прибавляетъ корреспондентъ, — объясняются безпримѣрныя потери русской пѣхоты».

Я очень рекомендую эти слова нѣмецкаго военнаго корреспондента вниманію русскихъ рабочихъ.

Чѣмъ меньше у насъ будетъ снарядовъ, тѣмъ больше окажется у насъ убитыхъ и раненыхъ пѣхотинцевъ. А что такое нашъ пѣхотинецъ? Въ огромномъ большинствѣ случаевъ это — одѣтый въ военный мундиръ крестьянинъ или рабочій. Это — все тотъ же трудовой человѣкъ. Стало быть, кровный интересъ трудового народа требуетъ, чтобъ у насъ было теперь, — когда насъ держитъ за горло желѣзная рука германскаго хищника, — какъ можно больше военныхъ снарядовъ. Пусть почаще вспоминаютъ объ этомъ тѣ изъ нашихъ рабочихъ, передъ которыми встаетъ вопросъ о стачкахъ. Я вполнѣ признаю, что и теперь стачка можетъ оказаться неизбѣжной. Трудясь для защиты своей страны, рабочіе не могутъ питаться воздухомъ. Имъ надо защищать свой интересъ. Но

необходимо, чтобы защита второстепенныхъ интересовъ не мѣшала защитѣ—самого главнаго. Надо не упускать изъ виду, что нашей родинѣ до сихъ поръ еще продолжаетъ угрожать страшная опасность,—такая опасность, съ какой она давнымъ давно уже не встрѣчалась въ своемъ историческомъ движеніи. Слѣдуетъ помнить, наконецъ, и то, что упущеннаго времени не вернешь, какъ выражались римляне, и самъ Юпитеръ.

